

© М. А. Лаппо

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.06)

УДК 81.374 + 81'42

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАКРОКОМПОНЕНТА И ЕГО ДИСКУРСИВНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ*

М. А. Лаппо (Новосибирск, Россия)

*Статья посвящена анализу семантики слова **профессионал**, отраженной в толковых словарях и реализуемой в дискурсе. Данное слово, как и ряд подобных слов со значением высокого профессионального или общественного статуса, имеет ряд семантических особенностей. Установлено, что, во-первых, эмоционально-оценочный микрокомпонент значения слова **профессионал** имеет амбивалентный характер (использование лексемы может маркировать уважение, удовлетворение или презрение), во-вторых, в прагматическую зону значения включен национально-культурный компонент, обусловленный особенностями русского речевого этикета (говорить о себе слишком хорошо – неприлично). Негативно воспринимаемый эффект самопохвалы нейтрализуется в текстах, предназначенных для прочтения ограниченным кругом лиц (например, в дневниковой речи), а также при помощи определенных грамматических конструкций. Подобные условия снижают вес самопрезентационного компонента, усиливая долю самоидентификации (поиска и подтверждения личной идентичности) говорящего субъекта. Толковый словарь активного типа может учитывать данную информацию, включив в структуру статьи пометы «о себе», «о других», «для себя», «для других», а в зоне иллюстративного материала дать разнообразные примеры, учитывающие особенности жанра и типа языковой личности.*

Ключевые слова: структура лексического значения, прагматический макрокомпонент значения, статус, лексикография, самономинация, самоидентификация, элитарная языковая личность.

К числу актуальных проблем современной лингвистики относятся разработка структуры лексического значения слова, а именно типологии его макро- и микрокомпонентов, соотношения этих компонентов и их отраже-

ния в статье толкового словаря. И. М. Кобозева указывает, что «традиционно к лексическому значению относят наиболее существенную часть связанной с лексемой информации – ее денотат, сигнификат и некоторую

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ: проект № 15-04-00122 «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»; проект 15-14-54001 «Конфликтный текст в зеркале лингвистической экспертизы».

Лаппо Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: lama2046@yandex.ru

часть прагматической информации» [1, с. 80]. Однако вопрос о том, как следует понимать прагматический макрокомпонент и что именно из данной информации представляется существенным, остается спорным. По И. М. Кобозевой, прагматический слой значения слова, содержащий информацию об отношении человека к обозначаемому словом объекту или адресату сообщения, входит в структуру лексического значения слова, а информация о прагматических функциях лексемы и ее коннотации – не входит в его структуру, хотя последние и «включают отсылку не к индивидуальному пользователю языка, а к языковому коллективу» [1, с. 92]. Такое понимание структуры лексического значения согласуется с традиционным определением коннотаций лексемы: это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [2, с. 189].

Согласно другому представлению, коннотации являются центром прагматической информации, хотя и не исчерпывают ее полностью. В. Н. Телия под коннотацией понимает «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей <...> который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода»: с ассоциативно-фонным знанием говорящих, с их оценочным отношением к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими, помимо прочего, социальные отношения участников коммуникативного акта и др. [3, с. 107]. Этот подход расширяет как структуру прагматического компонента в содержательной стороне слова, так и понятие коннотации. Широкий подход к коннотации, по справедливому

замечанию И. Г. Жировой, «отражает те свойства слова, которые выявлены благодаря введению дополнительных (антропоцентрических) параметров в описании лексической единицы. Подобное расширение объема коннотации свидетельствует об активном постижении коммуникативной и когнитивной природы слова» [4, с. 61].

Помимо этого, данный подход расширяет границы самого лексического слова. Существенным ориентиром в осмыслении прагматического макрокомпонента в его структуре являются работы Г. Н. Складневской, которая, понимая значение «не как ограниченный набор семантических элементов, а как бесконечно сложную и избыточную структуру, включающую в себя не только понятийное содержание, но и прагматическую информацию о слове», представляет лексическое значение в виде системы концентрических кругов. Так, внутренний круг означает денотативное ядро, за которым следует периферия денотата и потенциальные семы, а затем – «ряд концентрических кругов, содержащих прагматическую информацию о слове, – разнородный набор коннотаций (социальных, исторических, культурных, эмотивных, экспрессивных и т. д.), который также представляет собой не аморфное образование, а иерархически организованную систему с разными уровнями, в разной степени удаленными от денотативного ядра». Дальше всех от денотативного ядра находятся индивидуальные и ситуативные семантические компоненты, поскольку отражают «ассоциации некоторой части языкового коллектива и могут реализоваться только при определенных обстоятельствах (к ним относятся в первую очередь идеологические прагматические компоненты)» [5].

Г. Н. Складневской также была поставлена проблема отражения прагматических компонентов в толковом словаре [6]. Практика

лексикографирования идеологических компонентов, в частности, стихийного и непоследовательного зонального распределения прагматической информации, анализируется в статье Т. А. Трипольской, Е. Ю. Булыгиной [7]. Авторы показывают, что зональное распределение семантической информации возможно не только в специализированных словарях, таких как словарь синонимов Ю. Д. Апресяна [8], но и в любом толковом словаре, при этом логика закрепления такой информации весьма чувствительна к идеологии времени создания словаря.

В данной статье в рамках заявленного интегрального подхода к лексическому значению и концепции зонального подхода к его лексикографированию будет рассматриваться функционирование слов со значением высокого статуса *профессионал* и *профи*: прагматические микрокомпоненты их значений, динамика этих элементов и их отражение в толковых словарях.

Толковые словари русского языка отражают изменения в семантической структуре слова *профессионал* в течение XX в.:

ПРОФЕССИОНАЛ, -а, м. Человек, сделавший какое-н. занятие своей постоянной профессией. *В игре принимали участие не только профессионалы, но и любители. Фотограф-профессионал.* || То же, что профессиональный революционер (см. профессиональный) (словарь Д. Н. Ушакова [9]).

ПРОФЕССИОНАЛ, -а, м. Человек, который занимается чем-нибудь профессионально (в отличие от любителя). *Фотограф-п. Автомобилист-п. Настоящий п.* (о человеке, к-рый работает высокопрофессионально в 3 знач.) || профессионалка, -и (*разг.*). (Словарь русского языка С. И. Ожегова [10]).

ПРОФЕССИОНАЛ, -а, м. Тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей про-

фессией, хороший специалист. *Охотник-профессионал. Канунников был директором-профессионалом. Заведование чем-нибудь стало его специальностью.* Рыбаков, Водители. (Малый академический словарь [11]).

ПРОФЕССИОНАЛ. 1. Тот, кто сделал какое-л. занятие своей профессией (противоп.: *любитель*). 2. Хороший специалист, знаток своего дела. (Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [12]).

Мы видим, как постепенно формируется и фиксируется новый лексико-семантический вариант лексемы профессионал: на первом этапе *профессионал* – это ‘человек, сделавший какое-н. занятие своей постоянной профессией’ (словарь Д. Н. Ушакова), на втором этапе намечается появление нового значения, зафиксированное в иллюстративном материале – «настоящий профессионал» (словарь С. И. Ожегова), на третьем этапе, который отражен в словаре под ред. А. П. Евгеньевой, значения слиты как два оттенка и даны через запятую – «тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей профессией» и «хороший специалист», и, наконец, словарь Т. Ф. Ефремовой фиксирует полисемию.

Можно реконструировать историю значения слова *профессионал* следующим образом. В самом начале своего существования, т. е. приблизительно с конца XVIII в., по данным этимологического словаря [13], слово обозначало лишь принадлежность к какому-либо роду занятий, что само по себе было важно, т. к. в этот период происходило формирование профессиональной дифференциации в обществе. Но, видимо, затем коннотативный слой (позитивная оценка деятельности) стал стремительно приближаться к денотативному ядру значения, так что в определенный момент позитивная оценка профессионала стала ведущей, поэтому словари вычленили второй

лексико-семантический вариант. В. В. Виноградов вскользь описывает его исторические преобразования так: «Затем с углублением профессионализации и демократизации литературная речь сближается с специальными и научными языками. Слово *профессионал* делается антонимом слов *любитель, дилетант*» [14, с. 773].

Национальный корпус русского языка фиксирует рост употребления слова *профессионал*: по результатам поиска в основном корпусе найдено 2 298 документов, 4 058 вхождений. Самое первое употребление отмечено в автобиографическом сочинении А. И. Герцена «Былое и думы» (1854–1858 гг.), пики популярности приходятся на 1921, 1978, 2002 и 2010 гг. [15] (рис. 1).

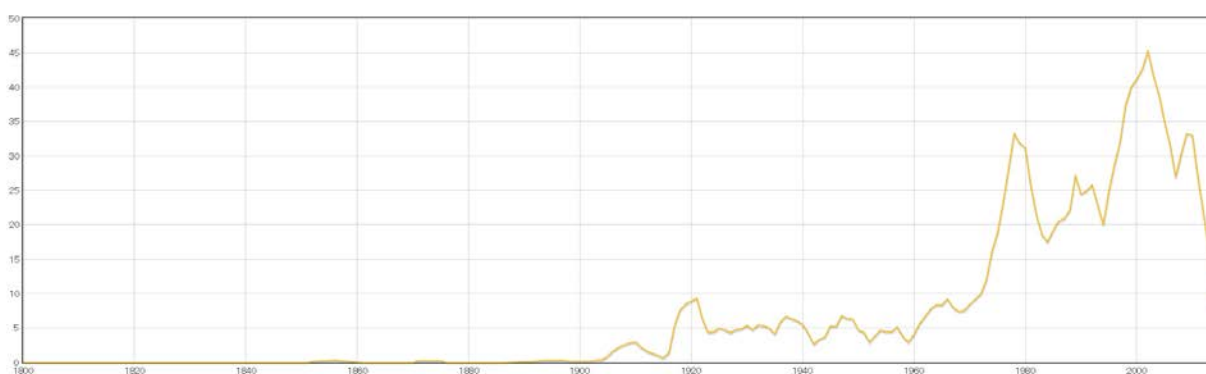

Рис. 1. Количество употреблений слова *профессионал* по данным НКРЯ. Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Следует отметить, что в современном дискурсе второе значение лексемы *профессионал* не только существенно преобладает над первым (см. представленные ниже первый и второй фрагменты), но и противопоставляется ему (см. третий контекст). Об этом свидетельствуют стихийные толкования на форумах и в блогах, обсуждающих проблемы профессиональной деятельности, например:

1) *Профессионал – это виртуоз в своей работе, это человек, который постоянно растет и развивается, находится на волне новостей в данной отрасли, в курсе новых разработок и методик по его направлению, хочет и умеет их внедрять, личность творческая и неординарная* (URL: <http://jaaj.ru/article/blog/113>);

2) *Профессионал – это человек, в совершенстве овладевший своей профессией. В жизни встречаются люди, которые делают*

свою работу так, как никто другой, и результат этой работы стремится приобрести каждый, потому что такая работа качественная, надежная, особенная, неповторимая, она сделана «золотыми руками», с душой, с любовью (URL: <http://www.insai.ru/slovar/professional>);

3) *Профессионал – это не человек с соответствующим образованием, и тем более не тот, кто зарабатывает деньги таким способом. Сейчас тьма, сколько «профессионалов» с вышкой, но насколько они знают свою дисциплину??? насколько они могут применить свои знания в жизни? Профессионал – тот человек, который в совершенстве овладел своим любимым делом* (URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/96314-kakogo-cheloveka-mozhno-schitat-professionalom.html>).

Выдвижение второго лексико-семантического варианта, прежде всего, объясняется экстралингвистическими факторами: количество россиян с высшим образованием с каждым годом неуклонно растет (табл.), при этом

количество хороших специалистов, знатоков своего дела, по определению, увеличиться не может.

Таблица

**Количество высших учебных заведений и студентов на начало учебного года.
Данные сайта «Статистика российского образования!»¹**

Год	Число ОУ	В них студентов – всего, тыс. чел.	На 10 000 насел. приход. студентов
1914	72	87	10
1917	150	149	16
1940/41	481	478	43
1950/51	516	797	77
1960/61	430	1 497	124
1970/71	457	2 672	204
1980/81	494	3 046	219
1990/91	514	2 825	190
1995/96	762	2 791	189
2000/2001	965	4 741	327
2004/2005	1 071	6 884	481

К концу XX в. потенциальные семы денотативного компонента первого лексико-семантического варианта настолько укрепились, продвинувшись к ядру денотата, что словари актуальной лексики стали фиксировать появление новых, специализированных значений слова профессионал: «спортсмен, профессио-

нально занимающийся спортом», «профессиональный преступник»². Прежде всего, было отмечено появление видов деятельности, традиционно не связываемых с профессиональной работой, таких как спорт и криминал³, см. в словаре под ред. Г. Н. Склярвской:

ПРОФЕССИОНАЛ, а, м. 1. Спорт. Спортсмен, профессионально занимающийся

¹ URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_1a&tttype=2&Field=All

² Есть и неотмеченные словарями новые значения. Так, например, разговорное значение слова профессионалка – ‘женщина, занимающаяся проституцией’ реализуется в следующем контексте:

– Мне нужна помощь, Ольга! – говорит по телефону низкий, чуть подрагивающий голос. – Я...у

меня беда... Только Вы должны знать. Я – профессиональная проститутка! (О. Хмелевская. Профессионалка и очень порядочные женщины).

³ Подобное отмечалось уже в словаре под ред. Д. Н. Ушакова в качестве варианта значения, но для другого вида деятельности: «То же, что профессиональный революционер».

спортом. 2. *Криминал*. Профессиональный преступник.

ПРО́ФИ, нескл., м. 1. Спорт. = Профессионал (1 знач.). 2. Криминал. = Профессионал (2 знач.). 3. Профессионал в какой-л. области деятельности, сфере бизнеса [16].

Данная семантическая дифференциация свидетельствует о динамических процессах в профессиональной сфере и социальной потребности членов общества в признании. Активное внедрение в русский дискурс заимствованного из английского языка разговорного слова *профи* также демонстрирует указанное положение. См. его динамику на рис. 2.

Собственно языковые причины, а именно иноязычный ореол, морфологические и словообразовательные характеристики

слова *профи* – способность выражать как субстантивное, так и адъективное значение, присоединяться как слева, так и справа, быть написанным как кириллицей, так и латиницей – дают возможность становиться составным элементом или самостоятельным множества новообразований-эргонимов. В языке города Новосибирска насчитываются десятки таких наименований: ООО/компания/магазин «Профи», *Окна Профи*, *Профи-Новосибирск*, *ProfiServis*, *Имидж Профи*, *ПрофиЭлектроМаркет*, *Профиком*, *ПрофиПринт*, *Автопрофи*, *АзияПрофи*, *АлтайПрофи*, *СибПрофи*, *АвтомобильПрофи*, *Алмаз-Профи*, *Партнер_Профи*, *ПрокатПрофи*, *СЭС Профи*, *БагетПрофи* и др.

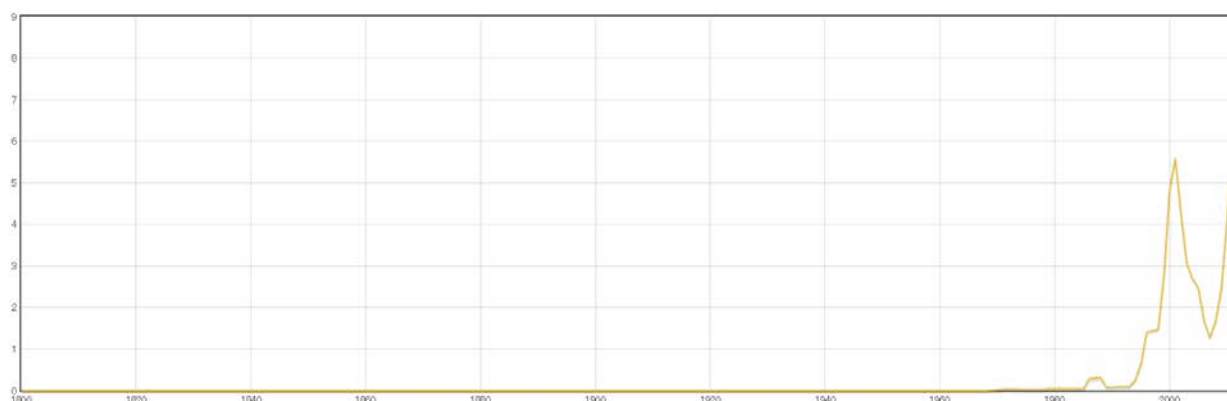

Рис. 2. Количество употреблений слова *профи* по данным НКРЯ. Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

В значении слов *профессионал*, *профи*, как и других подобных слов с семантикой высокого статуса лица в профессиональной/общественной деятельности (например, *деятель*, *спец*, *специалист*, *труженик*, *величина*, *ветеран*, *классик*, *корифей*, *мэтр*, *патриарх* (*перен.*), *светило* (*перен.*), *служитель* (*перен.*), *старейшина*⁴, *эксперт*), помимо позитивной оценки в денотативном ядре, имеется прагматический микрокомпонент эмоциональной

оценки. Этот компонент избыточен, как и указывает Г. Н. Складневская, но он существует отчасти потому, что не всегда согласуется с денотативной оценкой. Семы больших возможностей, прав и позитивной эмоции удовлетворения от занимаемого положения и уверенности в своих силах реализуются в следующих фрагментах речи о себе:

4) *Критика меня волнует слабо. Я профессионал и не считаю, что критики, при*

⁴ Данный ряд слов приведен по «Русскому семантическому словарю» [17].

всем уважении к ним, могут судить о моей работе лучше, чем я сам. А со зрителем у меня роман, и это главное, потому что только в этом романе – суть профессии [Юлия Кантор. Олег Табаков: «У меня роман со зрителем» (2002) // «Известия», 2002.11.20]⁵;

5) Ты не боишься, что за эту нашу беседу тебя отстранят от прямого эфира? Меня много раз отстраняли, и, конечно, это неприятно. Но у меня нет страха потерять работу. Я знаю, что я – профессионал. И пока у меня есть эфирное время, я хочу помочь как можно большему количеству людей. Не вообще стране, не вообще перестройке. А конкретным людям [Владимир Мукусев, Анастасия Ниточкина. Взгляд изнутри // «Огонек». № 1 (3311), 1991, 1991].

В речи о других часто выражаются эмоции уважения, высокой степени доверия к людям, называемым профессионалами, например:

б) Планирование в идеале это процесс, где каждый обитатель городского пространства делится своими запросами, ресурсами, компетенцией, и это сотрудничество рождает образ города, который постоянно корректируется. У архитекторов в этом процессе незаменимая роль: именно они способны предложить материальное, конкретное выражение всех этих коллективных и частных интересов. Они могут представить себе, насколько предлагаемая градостроительная форма будет восприимчива или устойчива к эволюции этих самых человеческих интересов и запросов. Это называется «пространственным мышлением», и профессионалы с таким навыком редкость во всем мире [Василий Корецкий. Самоуправляемая электрокапсула //

«Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011, 2011].

Это типичные реализации прагматического слоя лексемы *профессионал*. Менее типичными, но вполне предсказуемыми оказываются негативные коннотации, например:

7) Профессионал – это человек, занимающийся какой-либо деятельностью в качестве зарабатывания средств к существованию, то есть это человек, работающий в каком-либо отделе, структуре и т. п. Обычно профессионалы приобретают специальные знания и навыки в учебных заведениях и обладают всеми «человеческими качествами»: **глупостью, продажностью, ленью, лживостью, беспринципностью, коварством, чело­веконенавистничеством** <...> Феномен профессионализма заключается в **ограниченности жизненных сценариев** и мощности современной системы образования, что позволяет профессионалу адекватно ориентироваться в стандартных ситуациях, характерных для его профессии. В то же время в нестандартных ситуациях и изменении обстановки профессионал **может оказаться в худшем положении**, чем дилетант, который многого не знает, всего «боится» и, благодаря этому, более адекватно воспринимает переходные процессы и находит решения там, где для профессионала их нет (URL: <http://www.insai.ru/slovar/professional>).

В данном случае мы видим выражение негативной оценки профессионала и негативных эмоций недоверия, презрения или даже ненависти. В основе таких эмоций обычно лежит негативный личный опыт, и приведенный фрагмент вполне подтверждает тезис В. Н. Телля о том, «...практически все оценки относительно, так как зависят от эмпатии, а потому

⁵ Примеры 5–7 взяты из Национального корпуса русского языка [15].

большинство оценочных значений амбивалентны» [3, с. 110].

Анализ материала показал, что выражение тех или иных прагматических микрокомпонентов лексического значения слова *профессионал* и других подобных слов зависит от ряда причин: во-первых, от фактора «Я–Ты–Он–грамматик» [3, с. 122, 212], т. е. описания себя, или адресата, или третьего лица, во-вторых, от жанра текста, и, наконец, от типа языковой личности автора высказывания.

Первый параметр отражен в русской идиоматике следующим образом. Как указывает Л. В. Балашова, чаще всего ложной или приукрашенной считается информация о самом себе или о своих близких (*Каждая курица свой насест хвалит; Всяк кулик своё болото хвалит; Всякая сосна своему бору шумит*) [18, с. 104]. Видимо, в связи с этим русский речевой этикет предписывает скромность, иными словами, более строгое отношение к оценке себя во всех сферах коммуникации. Можно предположить, что семантика единиц языка и особенности их употребления в автореферентном дискурсе (как при его порождении, так и при его восприятии) в той или иной степени отличается от семантики аналогичных единиц в тексте, где объектом описания являются другие.

В связи с этим, чтобы «не потерять лицо», говорящий с высоким уровнем языковой компетенции вынужден избегать самоминаций с прагматическим компонентом высокого статуса и сверхпозитивной оценки.

Другим важным фактором оказывается речевой жанр, типовая коммуникативная ситуация, задающая режим самоописания. К примеру, в жанре самопрезентации говорящий вынужден себя хвалить, представлять себя «в лучшем свете», поэтому при использовании лексем с семантикой высокого статуса нейтрализовать коннотации позитивной оценки и позитивных эмоций не удастся. В некоторых дискурсивных употреблениях такая сверхпозитивная оценка себя и эмоции гордости, удовлетворения представляется чрезмерной, или, как говорится, «зашкаливает»⁶. Например, на своем сайте учитель так рассказывает о себе, о своем призвании:

8) **Профессионалы** нужны в каждом деле. Мне посчастливилось увидеть и почувствовать работу настоящих мастеров. Все самые дорогие для меня люди и по профессии и по призванию учителя. Я принадлежу к педагогической династии, общий педагогический стаж работы которой составляет 247 лет, и с каждым годом он увеличивается. Протянулась незримая, но крепкая ниточка, связывающая воедино несколько поколений. Продолжают династию шесть педагогов. И глубоко в душе чувствую гордость, что являюсь одним из них. Передо мной никогда не стоял вопрос, кем быть (URL: http://zabavinasv.narod.ru/page1_2.html).

Следует заметить, что выбор косвенной формы самоминации (*профессионалы нужны в каждом деле*), т. е. описания в 3-м лице, снижает здесь степень прагматического

⁶ Интенция подобных самоописаний заключается в оказании воздействия на адресата – привлечении на свою сторону, убеждении воспользоваться услугами, вызвать максимальное доверие и под. Аналогичная функция реализуется при

употреблении слова эксперт, например: *Я, Ирина Иванченко, Трансформационный тренер и коуч, Первый русскоязычный эксперт по достижению успеха с техникой меридионального простукивания.* (URL: <http://www.happykaterina.com/ya-expert>).

воздействия на адресата, становится своеобразным амортизатором от «удара самопохвалой»⁷.

В тексте дневника, написанного автором для самого себя, отсутствие «потери лица» от самопохвалы обеспечивается его жанром. Например, в дневнике В. Я. Проппа от 25 января 1965 г.:

9) Обсуждение книги В. Е. Гусева. Фридендер, с необыкновенной легкостью, не сказав о книге ничего, очень убедительно и умно хвалил ее. Для меня такая виртуозность совершенно таинственна. Я: надо говорить не о взглядах Веселовского, а о методах. Я показываю как профессионал несостоятельность выводов Веселовского о происхождении эпоса, о комедиях и пр., но поднимаю на щит «Поэтику сюжетов» [20, с. 298].

Помимо жанра эффект самопохвалы здесь нейтрализует специфическая грамматическая конструкция с союзом КАК, обозначающая высокий статус путем свернутой логической пропозиции (я как профессионал показываю).

В дневниковом дискурсе В. Я. Проппа вес самопрезентационного компонента сводится к минимуму еще и потому, что на первый план выдвигаются осмысление своей жизни, своей миссии, иначе говоря, увеличивается вес самоидентификации как выражения, описания, конструирования, подтверждения идентичности говорящего. Поэтому самообозначение профессионал встает в один ряд с лексемой ученый как другого самоидентификационного показателя:

10) Моя жизнь протекает непродуктивно, она есть производное от неполноценности других: множество плохих или слабых

диссертаций занимают мое время и исчерпывают мою энергию. <...> Нормальная жизнь ученого – не от слабости других, а от их достижений. Я должен знать, что достигли другие, и сам встать в этот ряд. Иначе получается непродуктивная жизнь. Я должен работать над своей грамматикой космического [20, с. 299].

Итак, специфика самообозначения лексемой высокого профессионального статуса элитарной языковой личностью заключается не в приписывании себе определенных качеств, поднимающих статус самой персоны, а во взятии на себя определенных обязательств и каждодневной борьбе за свою идентичность.

Лексикографическое описание слов рассматриваемой семантической группы, как можно было увидеть, крайне лаконично, более того, современные словари, обозначая формирование новых лексико-семантических вариантов, не используют все инструменты словарной статьи (пометы, дискурсивный материал). Думается, что толковый словарь активного типа должен отражать амбивалентный характер их значений и особенности их употребления в соответствии с русским речевым этикетом. При этом лексикограф должен учитывать следующие параметры, обуславливающие выдвижение тех или иных прагматических компонентов значения: 1) речь о себе или речь о другом, 2) жанр, 3) грамматическая конструкция высказывания, в которое попадает слово со значением высокого статуса. В публичном дискурсе о себе данная лексика может нанести урон речевому и личностному имиджу говорящего, будучи воспринятой как самопохвала. Дискурсы с ограниченным кругом

⁷ О других способах подачи положительной самооценки см. в работе Т. А. Трипольской «Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и

прагматический аспекты» [19]. Так, наиболее распространенной стратегией является подача самопохвалы как объективной информации.

адресатов и конструкции со свернутой логической пропозицией (*я как., речь о себе в 3-м лице* и др.) снижают вес самопрезентационного компонента и, следовательно, риск «потери лица» говорящего субъекта. В словарной статье для маркирования национально-культурного прагматического компонента самопохвалы может быть использована помета «о себе» (когда носителями русской культуры

данное действие оценивается негативно), а прагматического компонента, выражающего уважение, – помета «о других» (позитивная оценка данного действия). В иллюстративной зоне могут быть использованы фрагменты из текстов различных жанров, в которых используются лексемы со значением высокого статуса в различных грамматических конструкциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
2. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. – Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
3. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 288 с.
4. **Жирова И. Г.** О проблеме перевода экстралингвистических компонентов с русского языка на английский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2013. – № 5. – С. 60–66.
5. **Скляревская Г. Н.** Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177–202 [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (дата обращения: 27.02.2015).
6. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
7. **Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю.** Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (24). – С. 28–40.
8. **Новый** объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
9. **Толковый** словарь русского языка: в 4 т. – М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 стб.
10. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 21-е изд. – М.: Русский язык, 1989. – 924 с.
11. **Словарь** русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
12. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 слов. ст., ок. 250000 семант. единиц: [в 2 т.]. – М.: Рус. яз., 2000.
13. **Семенов А. В.** Этимологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://evartist.narod.ru/text15/019.htm> (дата обращения: 27.02.2015)

14. **Виноградов В. В.** История слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 1138 с.
15. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.02.2015).
16. **Толковый словарь современного русского языка** Языковые изменения конца XX века / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Складчиковской. – М.: Астрель; АСТ, 2001. – 944 с.
17. **Русский семантический словарь.** Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т русского яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. III. – М.: Азбуковник, 2003. – 720 с.
18. **Балашова Л. В.** Вербальная коммуникация и её отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 93–108.
19. **Трипольская Т. А.** Коммуникативные стратегии самооценки (самопохвалы) // Т. А. Трипольская. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – С. 90–98.
20. **Пропп В. Я.** Дневник старости. 1962–196... // Неизвестный В. Я. Пропп / научное издание; предисловие, сост. А. Н. Мартыновой. – СПб.: Алетейя, 2002. – 480 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.06)

Lappo Marina Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Modern Russian Language Department, No-
vosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Fed-
eration.

E-mail: lama2046@yandex.ru

LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF PRAGMATIC MACRO-COMPONENT AND ITS DISCURSIVE REALIZATION

Abstract

The article is devoted to the analysis of the semantics of the word *professional*, as reflected in dictionaries and implemented in the discourse. The word has several semantic features the same as a number of similar words with the meaning of high professional or social status. It is defined firstly that emotionally appraisal microcomponent of the word *professional* has an ambivalent character (the usage of the lexeme can mark respect, appreciation or contempt), and secondly that the pragmatic area of the meaning includes the national-cultural component, due to the peculiarities of Russian speech etiquette (speaking about myself too well is indecent). Negatively perceived effect of self-praise is neutralized in the texts intended to be read by a limited circle of persons (e.g. in a diary), as well as by using certain grammatical structures.

Such conditions reduce the weight of self-presentational component, increasing the proportion of self-identification of the speaker (search and confirmation of personal identity). Explanatory dictionary of the active type can reflect this information including into the structure of the article such notes as "about oneself", "about others", "for oneself", "for others", various examples of specific genre and type of linguistic identity can be introduced in the area of illustrative material.

Keywords

Structure of meaning, pragmatic macrocomponent of the meaning, status, lexicography, self-nomination, self-identification, elite linguistic identity.

REFERENCES

1. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, 352 p. (In Russian).
2. Apresyan Yu. D. *Selected works, vol. II. Integral description of language and system lexicography*. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 1995, 767 p. (In Russian).
3. Teliya V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguistic and cultural aspects*. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 1995, 288 p. (In Russian).
4. Zhirova I. G. On the problem of translation of extralinguistic components from Russian into English. *Bulletin of Moscow state regional University. Series "Linguistics"*. 2013, no. 5, pp. 60–66. (In Russian).
5. Sklyarevskaya G. N. The word in a changing world: Russian language in the beginning of XXI century: current state, problems, prospects. *Studies in Slavic languages*. No. 6. Seoul, 2000, pp. 177–202. Available at: <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (accessed: 27.02.2015). (In Russian).

6. Sklyarevskaya G. N. To the question of pragmatic information in the dictionary: are pragmatic litters possible? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, The Institute for linguistic studies Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian).
7. Tripolskaya, T. A., Bulygina, E. Yu. Ideological semantics as an object of lexicographically diachronic dictionaries. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no 2 (24), pp. 28–40. (In Russian).
8. *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. (ed.) Yu. D. Apresyan. Moscow, Vienna, Languages of Slavic culture Publ., Vienna Slavic almanac Publ., 2004, 1488 p. (In Russian).
9. *Explanatory dictionary of Russian language In 4 volumes*. Moscow, Sov. Encyclopaedia Publ., Ogiz Publ., 1935–1940. Vol. 3. Ed. D. N. Ushakov. Moscow, Gos. publishing house of foreign and nat. words Publ., 1939. 1424 stb. (In Russian).
10. Ozhegov S. I. *Dictionary of Russian language*. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Russian language Publ., 1989, 924 p. (In Russian).
11. *Dictionary of Russian language In 4 volumes*. Ed. A. P. Evgen'eva. Moscow, Rus. lang. Publ., Polygraphists Publ., 1999. (In Russian).
12. Efremova T. F. *New dictionary of Russian language. Sensibly-derivational*. Moscow, Rus. lang. Publ., 2000. (In Russian).
13. Semenov A. V. *Etymological dictionary*. Available at: <http://evartist.narod.ru/text15/019.htm> (accessed: 27.02.2015). (In Russian).
14. Vinogradov V. V. *The history of words*. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Institute of Russian language V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences Publ., 1999, 1138 p. (In Russian).
15. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 27.02.2015). (In Russian).
16. *Explanatory dictionary of modern Russian language. The Language changes of the late twentieth century*. Ed. G. N. Sklyarevskaya. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2001, 944 p. (In Russian).
17. *Russian semantic dictionary. Dictionary, classified according to the classes of words and meanings*. Ed. N. Yu. Shvedova. Vol. III. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, 720 p. (In Russian).
18. Balashova L. V. Verbal communication and its reflection in the idiom of Russian language. *Direct and indirect communication*. Saratov, College Publ., 2003, pp. 93–108. (In Russian)
19. Tripolskaya T. A. Communicative strategy of self-esteem (self-praise). *Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1999, pp. 90–98. (In Russian).
20. Propp V. Y. Diary of old age. 1962–196... *Unknown V. Y. Propp*. Comp. A. N. Martynova. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2002, 480 p. (In Russian).